М. Ф. Альбедиль

ПРОТОИНДИЙСКОЕ ПИСЬМО: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Протоиндийские тексты являли собой пример неизвестного письма, которым записаны тексты на неизвестном языке, т. е. самый сложный для дешифровки, но и самый привлекательный вариант, вызывающий чувство то ли безнадежной горечи, то ли упрямой надежды. Это чувство усугублялось полным отсутствием каких бы то ни было сведений о языке, письменности текстов и об их творцах. Нельзя было рассчитывать на обычную в подобных изысканиях помощь билингв, трилингв и т. д. Ничего подобного до сих пор не обнаружено, и остается лишь робко уповать на счастливый случай или удачливую лопату археолога. Сами протоиндийские надписи, скудные по количеству, лапидарные и однообразные по содержанию, ставили под сомнение принципиальную возможность дешифровки, т. е. установления чтения знаков забытой системы письма. «Проблема, всплывшая со дна Инда, с одной стороны, чрезвычайно важна, с другой же — почти полностью бесперспективна», — писал итальянский ученый П. Мериджи, в числе многих прочих исследователей предпринявший попытку взять эту неприступную крепость [1]. Продолжая это тривиальное, потускневшее от частого употребления, но тем не менее заново переживаемое каждым исследователем сравнение, можно сказать, что немало смельчаков разделило участь П. Мериджи, безуспешно штурмуя, атакуя и осаждая этот великолепно укрепленный форт, манящий своей недоступностью и сулящий победителям немалые богатства. Среди «нападавших» были и талантливые ученые с блестящей эрудицией и тонкой интуицией, и безвестные дилетанты-энтузиасты, которые имели шанс повторить научный подвиг Г. Гротефенда, скромного гимназического учителя из Геттингена, положившего начало дешифровке персидской клинописи. Некоторые из них смогли отыскать рациональные зерна (главным образом при толковании отдельных знаков), другие преуспели в начальном этапе формального анализа текстов (например, Дж. Хантер) [2]. Но были и такие дешифровки, которые можно квалифицировать как плод вдохновенной мечты их создателей, никак не соприкасающейся с реальными данными, где «правильность» ошеломляющих выводов, подкрепленных безудержным полетом фантазии, была очевидна лишь самим дешифровщикам.

Отражая все атаки, отдав лишь некоторые слабо защищенные бастионы, твердыня оставалась несокрушимой, продолжая неодолимо привлекать своими неразгаданными тайнами.

Наконец, группа советских ученых под руководством Ю. В. Кнорозова после многолетней осады вторглась в эту неприступную крепость [3].

---

[1] Тайны древних письмен. Проблема дешифровки. М.: Прогресс, 1976, с. 488.

[2] *Hunter G. R.* The Script of Mohenjo-Daro and Harappa and its Connection with Other Scripts. L., 1934.

[3] Результаты дешифровки см.: *Knorozov Y. V., Albedil M. F., Volchok B. Y.* Proto-Indica: 1979. Moscow: Nauka, 1981.

Отсюда отнюдь не следует, что последняя гостеприимно раскрыла «завоевателям» все свои тайны и устроила им триумфальный въезд. По субъективному ощущению, передвигаться внутри крепости ничуть не легче и не менее рискованно, чем снаружи. Битва за овладение тайнами протоиндийских текстов продолжается и ведется в не менее ожесточенной манере, чем прежде, а утомительные поиски правильных решений столь же чреваты ловушками.

Кроме новых «наступательных» задач, осталось много работы, которая велась в ходе дешифровки и продолжается после нее. Имеется в виду — в числе прочего — изучение протоиндийской системы письма или, более конкретно, ее внешней, графической формы.

Прежде чем показывать, в каком направлении планируется разворачивать эту работу, стоит кратко охарактеризовать тип письма — великолепного достижения протоиндийской цивилизации.

Протоиндийские тексты демонстрируют весьма развитую систему письма, определенную как классическая иероглифика, т. е. морфемно-силлабическое письмо [4]. Той же точки зрения придерживалось подавляющее большинство ученых. Тип письма определялся по нескольким параметрам. Во-первых, по общему числу знаков в алфавите (применительно к протоиндийской системе письма слово «алфавит» здесь и далее употребляется в семиотическом значении слова). Число знаков в иероглифических системах письма исчисляется обычно 300—400 синхронно употребляемых графем. С этим показателем нерасторжимо связан второй: длина блока, т. е. сегмента текста, соответствующего слову или устойчивому словосочетанию. В морфемно-силлабических письменностях знаменательные и служебные морфемы языка передаются в большинстве случаев 1—2 знаками, поэтому при указанном числе знаков в алфавите длина блока сокращается по сравнению с инфрафонемной (знак передает сочетание двух или нескольких фонем), фонемной (знак передает фонему) и силлабической (знак передает слог) системами письма. Наконец, третий признак для определения системы письма — кривая появления новых знаков в текстах, которая на материале протоиндийского письма показывает картину, характерную для иероглифического письма, совпадая с кривой появления новых знаков в древнеегипетском [5].

Для читателя, не знакомого с иероглифическими системами письма, следует сделать пояснение, касающееся их внутренней сущности. Здесь стоит подчеркнуть, что понимание этого требует отхода от привычных стереотипов языкового мышления и восприятия, заданных буквенным алфавитом. В самом деле, при алфавитной письменности мы постигаем смысл слова-знака, когда «пробегаем» глазами определенную линейную последовательность букв (зрительный образ) или слышим определенное, имеющее временну́ю длительность сочетание звуков (звуковой образ). Звуковой или зрительный образ вызывает у нас соответствующее представление о референте данного знака в реальной (или идеально-преломленной) действительности. Таким образом, алфавитное письмо сопряжено с линейным видением, с восприятием цепочки букв, развернутой в пространстве (при написании) или звуковой последовательности во времени (при произнесении). Вопроса о контекстуальной обусловленности слова-знака здесь благоразумнее не касаться, чтобы не отвлечься от основной линии рассуждений.

Совсем иначе обстоит дело в иероглифике, ибо «иероглифика — это картина, картина же усваивается иначе, чем разговор о ней», — писал известный китаист В. М. Алексеев, введший в научный обиход понятие «мыслить иероглифически» [6].

Импрессионистский, динамичный характер иероглифики и сложность, граничащую с невозможностью адекватной передачи ее средствами ал-

---

[4] Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов. М.: Наука, 1965, с. 31—32.

[5] Там же, с. 32.

[6] *Алексеев В. М.* В старом Китае. М., 1958, с. 301.

фавитного письма, можно выразительно проиллюстрировать примерами китайских идеограмм. Так, идеограмма, передающая понятие «старый, древний», являет нам картину ломтей мяса, высушенных на солнце; идеограмма «бессмертный» — человека, живущего уединенно в горах; идеограмма «яркий» — луну и солнце; идеограмма «бояться» — глаза птицы и т. д.[7] Как можно передать в алфавитном письме запечатленные в иероглифах конкретные экспрессивные образы и их богатые ассоциативные связи, не нарушая целостности восприятия? Вероятно, и процесс чтения осмыслялся в цивилизациях с иероглифическим письмом иначе, чем в цивилизациях с алфавитным. Иероглиф нужно было видеть, созерцать, чтобы постичь отображенный в нем образ со всеми сопряженными с ним ассоциациями, отношениями, связями, во всем его динамичном единстве и равновесии (речь идет, разумеется, о ранней сту-

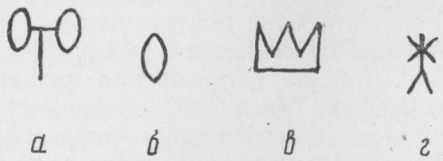

Рис. 1. Протоиндийские знаки; значение: *а* — колесница, *б* — стрела, *в* — гора, *г* — женщина с поднятыми руками

пени иероглифики, где очевиден рисуночный характер знаков)[8]. Восприятие этой разницы человеком Запада выражено в высказывании американского поэта Эзры Паунда, занявшегося китайской поэзией не по профессиональной необходимости, а в поисках поэтических средств, выражающих слитно мысль и ощущение. «Внимая Востоку даже с моим скудным знанием идеограммы, я понял, что несколько часов работы с ней оживляют больше, делают больше для того, чтобы вырвать человека из окостенения, чем месяц работы с великим греческим автором», — писал он[9]. Оставляя на совести поэта категоричность суждения и оценку, надо все же признать, что различие средств и принципов выражения в иероглифическом и алфавитном письме он ощутил весьма остро.

Ярко выраженная конкретная образность иероглифической системы письма отнюдь не сокращает ее возможностей служить прекрасным средством графического кодирования единиц языка, т. е. звуковой речи. Вопрос о соотношении языка и письменности сейчас здесь не затрагивается, он слишком сложен и объемен, чтобы о нем можно было говорить мимоходом. Однако заметим, что в наиболее архаичных языках обнаруживаются слова, отражающие нерасчлененные комплексы представлений и демонстрирующие упомянутую конкретную образность восприятия не менее выразительно, чем иероглифические знаки. Так, Ф. Боас приводит из эскимосского языка примеры различных названий снега: *qa-*

---

[7] *Karlgren B.* Sound and Symbol in Chinese. L., 1929, p. 50—53. С. Е. Яхонтов называет иероглиф, а не речь, главным объектом изучения в традиционном китайском языкознании. Иероглиф имеет написание, чтение и значение, и эти три аспекта изучались разными науками: 1) схолиастика, 2) изучение письменности, 3) фонология, т. е.: 1) толкование слов, 2) выяснение структуры и этимологии иероглифов, 3) отыскание фонетических различий, см.; *Яхонтов С. Е.* История языкознания в Китае (I тыс. до н. э.— I тыс. н. э.).— В кн.: История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980, с. 93.

[8] Здесь имеется в виду лишь наглядная, образная сторона иероглифики и не рассматривается вопрос о преднамеренном уснащении знаков различными декоративными украшениями, избыточными с точки зрения передачи смысла и преследующими цель произвести наиболее внушительное впечатление на читающих и даже на неграмотных. О роли фасцинации см.: *Кнорозов Ю. В.* К вопросу о классификации сигнализации.— В кн.: Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973, с. 331—334.

[9] Цит. по: *Малявин В. В.* Китайские импровизации Паунда.— Восток—Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1982, с. 251.

na — «падающий снег», *aput* — «снег на земле», *piqsirpoq* — «уносимый ветром снег», *qimuqsuq* — «снежные сугробы» [10].

Для передачи языковых единиц в иероглифических системах письма, в том числе протоиндийской, использовались знаки, заимствованные преимущественно из пиктографии или изобретенные по ее образцам, за которыми закреплялись определенные смысл и чтение. Часть знаков передавала то, что они изображали, например знак, передающий изображение колесницы, ее же и обозначал (ср. рис. 1, *а* и рис. 2); изображение наконечника стрелы обозначало стрелу и передавало ее название (обозначение целого по его части; см. рис. 1, *б* и рис. 3) и т. д. Другая часть знаков протоиндийского письма передавала понятия, изобразить которые трудно или невозможно. Здесь использовался принцип омонимии или, точнее, омофонии: вместо такого понятия изображается сходный по звучанию предмет, т. е. знаки употребляются по фонетическому тождеству или созвучию. Этим достигалось и сокращение общего количества знаков. На примере с русским языком принцип омонимии можно пояснить следующим образом. Желая передать понятие «стопа» (ритмическая единица в стихе), мы можем нарисовать ступню, название которой передается той же фонетической последовательностью «стопа». По тождеству звучаний этот знак передает, кроме названных двух, другие значения: 1) стопа (стопка) газет, блинов и др., 2) стопа в значении сосуд для вина, например «заздравная стопа». Подобным образом в протоиндийском письме знак горы, имеющий фонетическое значение *ko* — «гора», передает омонимичную морфему со значением «царь» (см. рис. 1, *в*). Выбор возможного варианта для различения омографов производился с помощью ключевых слов (детерминативов), которые указывали смысл, но не имели чтения, т. е. были немыми. Кроме того, были знаки, уточняющие чтение других знаков (звуковые подтверждения или фонетические комплементы).

Таким образом, кодирование единиц языка в протоиндийской системе письма производилось посредством трех видов знаков, имеющих: 1) чтение и смысл (в грамматологии такие знаки принято называть идеограммами), 2) только чтение (называемые обычно фонетическими знаками или фонограммами) и 3) только смысл (детерминативы).

Такова в общих чертах содержательная сторона внутренней формы протоиндийского письма, без уяснения которой немыслимо разворачивать работу по исследованию ее внешней, чисто графической формы, о чем и пойдет речь дальше.

Задавшись целью проанализировать протоиндийскую систему письма, нужно отдавать себе отчет в том, что предстоит решить совокупность взаимосвязанных задач (составление унифицированной транскрипции, каталога графем, выявление аллографов и т. д.). При этом вероятность положительного решения отдельных задач определяется объемом и спецификой исследуемого текста. Изучение протоиндийской системы письма на основе самих текстов существенно ограничено, и не только тем, что объектом исследования являются тексты на печатях, содержащие преимущественно 5—6 знаков. Это обстоятельство снижает возможности и «уровень надежности» составления формальной грамматики текстов, их смысловой интерпретации и чтения, но не имеет решающего значения при изучении графической стороны письма. При подобных изысканиях более существенную роль играет следующий факт.

Протоиндийская система письма отличается от синхронных ей египетской иероглифики и месопотамской клинописи по крайней мере одной особенностью. Непроницаемая тайна скрывает от исследователей не только ее происхождение, но и последующую, «послехараппскую» жизнь. Подобно рыбе, вынырнувшей на поверхность, чтобы, блеснув чешуей, снова уйти на дно, протоиндийская система письма, явившись из глубины веков, демонстрирует свои весьма совершенные формы и вновь исчезает, по крайней мере из поля нашего наблюдения.

---

[10] *Boas F.* Handbook of American Indian Languages. Washington, 1911.

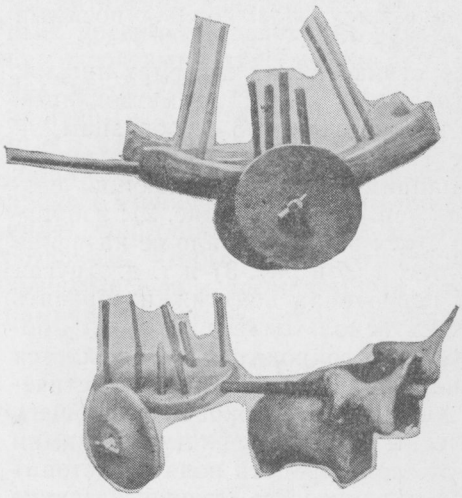

Рис. 2. Модели протоиндийских повозок

Итак, оказывается нереальным проследить все стадии предшествовавшей эволюции, как, например, в случае с месопотамской клинописью, где все они, кроме первоначальной, известны. С другой стороны, отсутствие (или невыявленность) каких-либо последующих форм развития письма, бесследно канувших в вечность, лишает исследователей той благодатной возможности, которую дают, например, древнейшие китайские тексты — иньские надписи, вписавшиеся в непрерывную линию развития китайской иероглифики, сохранявшей свои структурные принципы в течение тысячелетий. Тем самым наличие промежуточных форм, соединявших древнейшие знаки иньского письма с сопоставляемыми современными иероглифами, открывало пути для отождествления знаков и их интерпретации.

Таким образом, оказываются равным образом закрытыми пути к изучению графем протоиндийской письменности и последовательно восходящие от ее начальных форм (т. е. от пиктографии) и последовательно нисходящие от ее конечных форм к предыдущим (ретроспективный анализ).

При таких условиях особенно строгим и скрупулезным должно быть всестороннее изучение протоиндийской палеографии, не пренебрегающее никакими, пусть даже малозначащими свидетельствами. К каким же выводам приводит формальное изучение графического облика протоиндийских знаков? В большинстве случаев знаки начертаны прямыми или несколько изогнутыми линиями, ориентированными вертикально, жестом скупым и предельно экономным. Рисуночный характер знаков несомненен, как несомненна и тенденция к их стилизации, упрощению и стандартизации (см. рис. 4). Внешний облик знаков зависит прежде всего от «писчего материала». Важно учитывать и другие детерминирующие факторы, например назначение текстов, но по этому поводу среди исследователей нет и, видимо, не может быть однозначного мнения. Большинство ученых отмечают сакральный характер текстов, имевших целью обслуживать преимущественно религиозно-мифологическую сферу. Ранние протоиндийские тексты процарапаны на каменных (стеатитовых) пластинках, позже появляются каменные (реже металлические) печати, штампы и их оттиски на глиняных пластинках. В ту пору, когда «писали» мало, не по каждому поводу и далеко не все, когда одним из основных материалов был камень, а орудием — резец, естественно ожидать прямолинейности и скупости жеста в «манере» письма. Вполне вероятно, что письмо протоиндийских текстов с его контурной схематизацией знаков и тенденцией к упрощению находилось на грани перехода от контурного иероглифа к ранним формам скорописи. Естественно предположить и то, что такие курсивные формы письма, необходимость в которых диктовалась хозяйственными или близкими к ним нуждами, существовали параллельно с дошедшими до нас текстами, подобно египетской иератике и демотике — курсивным разновидностям иероглифической системы письма. Читателю, не сталкивавшемуся с подобным явлением, можно пояснить, что соотношение между иероглифической системой письма и ее курсивными вариантами подобно соотношению между печатным шрифтом и рукописным [11]. Сохранившиеся письменные принад-

[11] Пример заимствован из книги И. Фридриха «История письма» (М.: Наука, 1979, с. 50).

лежности (если они правильно идентифицированы) позволяют допустить, что формы скорописи существовали. Для нее использовались, вероятно, краска (тушь, чернила) и кисть (мягкая или жесткая). Судя по одному из знаков письма, употреблялись также и дощечки для письма (см. рис. 5). Такой писчий материал заставляет предположить в несакральной скорописи преобладание плавно искривленных, одножестовых штрихов или обилие замкнутых и замкнуто-переплетенных линий. Однако для протоиндийской системы письма таких параллельных видов пока не обнаружено, поэтому дальше предположений в подобных рассуждениях пойти невозможно. Скорее всего образцы несакральной скорописи не сохранились вследствие непрочности материала, из-за климатических условий, вмешательства людей или по иным причинам.

Рис. 3. Наконечник протоиндийской стрелы

Наше рассуждение приводит к выводу, что для решения большинства задач, поставленных перед исследователями протоиндийской системой письма, оказывается недостаточно данных, полученных при формальном анализе письменности, хотя эти данные совершенно необходимы. Работа по формальному изучению письма велась с самого начала исследования текстов и продолжается сейчас: тексты были транскрибированы стандартными знаками, опознавались и учитывались все варианты написаний, восстанавливались утраченные места, уточнялись искаженные и полустертые графемы, составлялся каталог графем и т. д. Для удобства публикаций мы пользуемся каталогом графем, изданным индийским ученым И. Махадеваном [12], хотя он значительно уточнен и исправлен Ю. В. Кнорозовым. Таким образом, сейчас мы располагаем достоверной информацией о структуре и некоторых особенностях протоиндийской системы письма, предоставляемой формальным анализом.

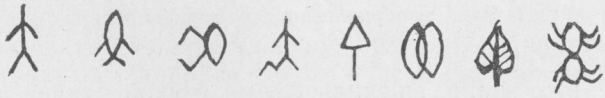

Рис. 4. Образцы протоиндийских знаков

Для повышения уровня надежности этой информации и для уточнения сведений предыдущих этапов теперь целесообразно активнее привлекать дополнительный материал, имея в виду конкретную задачу: поиски графических аналогий знакам протоиндийского алфавита. Для ее решения или для определения мест, где сто́ит «раскинуть сети», имеет смысл гипотетически восстановить всю линию развития протоиндийского письма, не пугаясь ужасающей фрагментарности и «оборванности» этой линии во времени. Надежным ориентиром при этом могут служить общие тенденции и закономерности развития древнейших форм письма, которые современным уровнем грамматологии выявлены довольно четко. Такой подход освобождает от досконального учета целого ряда фактов, касающихся специфических особенностей письма, которые сейчас учесть по разным причинам невозможно, ибо главные этапы развития письма отличаются по своей сути известным сходством во всех иероглифических системах.

Эвристические возможности такого подхода очевидны. В случае выявления искомых графических соответствий объявленная дешифровка

---

[12] *Mahadevan I.* The Indus Script.— In: Memoirs of the Archaeological Survey of India. New Delhi, 1977.

протоиндийского письма получит проверку и подтверждение в отношении интерпретации графической семантики знаков. Кроме того, появятся основания для приближения к решению еще одной задачи, а именно: выяснения аксиом или, точнее, моделей порождения знаков письма.

Происхождение древних систем письма обычно связывают с пиктографией, т. е. с существованием сюжетных рисунков, кодирующих сообщение посредством изображений сцен и условных знаков, смысл которых можно передавать различным количеством фраз[13]. Это положение бесспорно и не опровергается ни одним теоретиком письма. Едва ли нуждается в доказательствах и то, что наличия одной лишь пиктографии отнюдь недостаточно для появления письменности, которая возникает и развивается как способ фиксирования и хранения информации

Рис. 5. Знак, изображающий дощечку для письма (варианты)

лишь в условиях цивилизации (при классовом делении общества). Со временем такие заимствованные из арсенала пиктографии (или следующие ее моделям) знаки-рисунки, осознанно изображаемые и озвученные, могли стать рисуночными знаками-иероглифами, заложившими основу для иероглифической системы письма. Так завершился сложный диалектический скачок от изображения отдельных сцен и предметов, передающих определенные сообщения, к кодированию звуковой речи, т. е. определенных единиц языка.

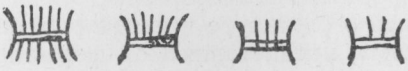

Рис. 6. Знак, изображающий гребень (варианты)

Начиная с этого этапа, внешняя форма всякой ранней иероглифической системы письма проходила определенные фазы развития: от нестандартности знаков к их стандартизации, а затем к их стилизации и контурной схематизации.

Как было указано выше, вся линия развития протоиндийской системы письма до этого этапа скрыта от нас плотной завесой времени. Это означает, что исключена возможность проанализировать историю письменности, динамику ее развития, тенденции к разнообразию и другие аналогичные аспекты проблемы. Особую важность представляет вопрос о том, была ли протоиндийская письменность первичной, т. е. сложилась на основе (или по образцам) местной пиктографии, или же она была производной, вторичной, т. е. следовала уже готовым образцам, выработанным иной древней системой, приспосабливая их к нуждам своего языка (языков). Постановка этого вопроса вызвана постулируемой некоторыми исследователями связью между протоиндийским и протоэламским письмом. Некоторое количество совпадающих протоиндийских и шумерских знаков является слишком зыбкой и уязвимой опорой, чтобы делать на ее основании далеко идущие выводы. Во всяком случае, заимствование графических знаков одной системой письма у другой вследствие вероятного контакта дравидов и шумеров — не единственное и не самое убедительное объяснение таких совпадений. Неполнота сущест-

---

[13] Пиктография как особый код для передачи сообщений прошла несколько фаз в своем развитии. Этот вопрос специально рассматривается в монографии Ю. В. Кнорозова «Письменность индейцев майя» (М.— Л.: Наука, 1963, с. 239—240).

вующего материала оставляет ответ на этот вопрос за пределами наших возможностей. Отметим все же, что и точка зрения о происхождении протоиндийской письменности из местного, самобытного пиктографического источника имеет право если не на признание (пока она не доказана), то хотя бы на благосклонное внимание исследователей. Учитывая, что протоиндийская письменность относится к числу ранних, хотя и весьма развитых иероглифических систем письма, т. е. таких, которые обнаруживают близость к своим пиктографическим истокам, имеет смысл направить поиск в русло изучения туземной пиктографии. Если этот поиск будет плодотворным, то в нашем распоряжении окажутся, во-первых, аргументы в пользу (или в опровержение) автохтонного происхождения протоиндийской письменности и, во-вторых, свидетельства, выясняющие или уточняющие пиктографическое значение и семантику отдельных знаков. Последнее возможно потому, что пиктография у племен и народностей Индии обслуживает преимущественно сферу магии, где каждый знак «прикован» ассоциативными цепями к определенному кругу онтологических или иных представлений, жизненно важных для коллектива и выявляющих его семантическую мотивировку. Кроме того, как бы условен, символичен и схематичен ни был тот или иной знак в магической пиктографии, его связи с живым прообразом, т. е. со стоящей за ним культурно-исторической реалией либо не утрачены, либо поддаются восстановлению. А это в свою очередь приобретает дополнительную ценность для изучения внешней формы письма, ибо уточняет опознание знаков. Очевидно, для выявления таких соответствий можно воспользоваться и данными живой этнографической традиции, причем не обязательно замкнутой границами дравидоязычного ареала.

Читатель, внимательно следящий за ходом рассуждений, может усомниться в том, что поиск соответствий знакам протоиндийского письма в туземной пиктографии, особенно современной, мягко говоря, правомерен. Ведь они разделены пятитысячелетним временны́м интервалом. На это можно возразить, что народная память, как показал Б. А. Рыбаков на материале славянского язычества, обладает чрезвычайно глубокими корнями, пронизывающими толщу веков по меньшей мере на пять тысячелетий и «достигает того важного периода в истории человечества, когда были освоены формы производящего хозяйства, и в первую очередь земледелия»[14]. В некоторых случаях «хронологический зондаж» оказался возможным на еще бо́льшую глубину. Например, ромбический орнамент, встречающийся сейчас у всех народов мира, известен с палеолитической древности, т. е. более двух десятков тысячелетий[15]. Разумеется, таким живучим в народной памяти оказывалось лишь то, что обладало наибольшей ценностной (аксиологической) значимостью.

Столь мощная глубина памяти, отличающая не только славян, но и индийцев, нашла свое воплощение в стойкости традиции. Традиционализм, обращенность в прошлое, верность высоким древним образцам и стремление их воспроизводить, а не низвергать, сохранение духа старого в новом — все это обусловило некоторые особенности целого ряда историко-культурных явлений в Индии, в первую очередь их жизнестойкость и сохранение преемственной связи с глубокой архаикой. Относительно спокойный и равномерный ритм развития индийской культуры, ряд особенностей социальной структуры индийского общества (прежде всего кастовая система), религиозные филиации немало способствовали тому, что некоторые элементы архаической материальной и духовной культуры (последние в трансформированном виде) дожили до настоящего времени, чему имеются не единичные подтверждения. Это позволяет предположить, что возможность вести поиски соответствий протоиндийским знакам в пиктографии вполне обоснована всем характером и стилем развития традиций индийской культуры.

---

[14] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981, с. 50.
[15] Там же, с. 86—87.

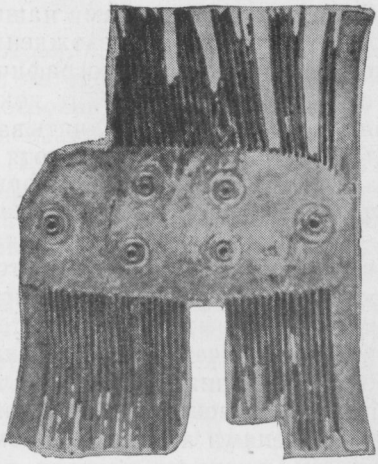

Рис. 7. Гребень из Хараппы

Однако такой путь исследования чреват и серьезными опасностями. Прежде всего имеется риск модернизировать пиктографическое значение протоиндийских знаков, механически экстраполируя на них рисуночное содержание знаков современной пиктографии (т. е. привнести в синхроническое описание диахронические импликации). Во избежание этого следует учитывать временные и региональные различия в трансформациях знаков и связанных с ними представлениях, снимая ретроспективным анализом позднейшие наслоения, подобно тому как реставратор древних икон снимает слой за слоем новые подмалевки, пока не обнаружит творение старого мастера.

Один из самых сложных вопросов здесь, который остается в большинстве случаев без ответа (вследствие отсутствия письменных источников, археологических свидетельств или иных достоверных указаний), заключается в том, что невозможно проследить время, когда тот или иной знак, графический символ утрачивает свое первоначальное содержание в сознании носителей традиции и воспроизводится бессознательно, сохраняя лишь внешнюю форму без знания исходного смысла или с его заменой, как некий магический символ или элемент орнамента. Такой знак воспроизводится в определенной типовой ситуации потому, что «так надо», а так надо потому, «что так делали наши предки». В объяснение последнего «потому» в лучшем случае приводится легенда, которая по сути дела ничего не объясняет, а лишь удостоверяет и сакрально санкционирует факт воспроизведения и употребления знака в определенных условиях.

Другая, не менее коварная опасность относится к области ошибок логического схематизма, когда та или иная система представлений осмысляется и описывается в терминах и понятиях иной, чуждой для нее системы, которой исследователь придерживается бессознательно, априорно или сознательно, исходя из сложившейся суммы представлений.

Преодолеть эти методические тернии сложно, но заманчиво, ибо искомый результат, если он будет достигнут, послужит достаточным утешением и компенсацией за все потери.

Сказанное можно проиллюстрировать минимальным количеством примеров. В протоиндийском алфавите имеется знак, опознанный как изображение гребня (рис. 6; ср. рис. 7). Его фонетическое значение *vār* омонимично дравидскому корню со значением «разлив, разливаться». Найти описание и изображение гребня в современных этнографических констатациях — задача не из сложных, ибо этот важный предмет обихода нужен (за редким исключением) каждому человеку. Но вот в книге В. Элвина «Племенное искусство Средней Индии» имеются свидетельства об употреблении гребня, своим внешним обликом поразительно напоминающего протоиндийский, не только в обыденной, профанической сфере, но и в ритуально-магической [16].

Стоит ли обращать внимание на незначительные, хотя и весьма интересные и привлекательные своим сходством с протоиндийским материалом свидетельства племенной пиктографии Средней Индии? Оставляя в стороне сложные дискуссионные вопросы о местном субстрате протоиндийской цивилизации и о путях расселения носителей этой цивилизации после ее гибели или упадка, ограничимся лишь констатацией важ-

---

[16] *Elwin V.* The Tribal Art of Middle India. Oxford, 1951, p. 46—49.

ного для наших изысканий факта: племена Средней Индии могли контактировать с носителями хараппской культуры, о чем свидетельствуют археологические данные. Следовательно, какими бы ни были причины, характер и продолжительность контакта, магическая племенная пиктография могла донести до наших дней следы этого контакта. Пусть в стертом и неявном виде, но эти следы стоит попытаться рассмотреть сквозь позднейшие наслоения.

В магической пиктографии, обращенной к духам и сверхъестественным существам, в честь которых она и создается, изображение гребня — один из важнейших мотивов. С ним связываются представления о любви и дружбе. Жених должен принести в дар невесте гребень — это важная часть обряда бракосочетания у многих племен. Иногда гребень специально изготавливается и подносится жене в ритуальной церемонии. Изображение гребня в татуировке символизирует счастливую семейную

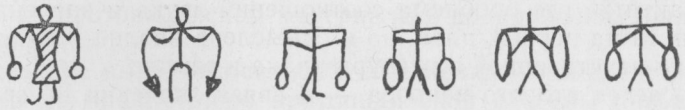

Рис. 8. Знак «носильщик» (варианты)

жизнь. В качестве декоративного мотива оно часто употребляется на дверях и столбах. Этот краткий и торопливый перечень случаев нетривиального употребления гребня легко может быть увеличен. «Гребень играет столь важную роль в социальной жизни аборигенов и столь интимны связанные с ним ассоциации, что кажется удивительным, почему ему не уделяется больше внимания», — восклицает Элвин [17]. Таким образом, связь гребня и его изображений с бытом молодых замужних женщин и свадебной обрядностью заставляет обратить на него особое внимание, тем более что некоторые отголоски этой связи нашли воплощение и в высоких образцах поэтической классики (например, гребень, не касающийся волос красавицы, пребывающей в разлуке с возлюбленным, — распространенный поэтический образ). Общеизвестно, что свадебный ритуал проникнут магическим содержанием, прежде всего магией плодородия. Общеизвестен также параллелизм женской плодовитости и урожайности земли, рождения ребенка и рождения зерна, который является стержневым во многих магических ритуалах земледельцев. В архаических земледельческих цивилизациях аграрное и женское начало, уподобленные друг другу по магическому принципу сходства жизненных явлений, были слиты в едином нерасчлененном комплексе магико-онтологических представлений, что находило свое воплощение в соответствующих культах.

Данные местной пиктографии, как выяснилось при атомарном сопоставлении, не противоречат выводам дешифровки. И знак, изображающий гребень в протоиндийских текстах и передающий значение «разлив» (своевременный разлив Инда — залог хорошего урожая, а значит, и благоденствия коллектива), и аналогичный знак в современной пиктографии относятся к одному кругу магических представлений, связанных с земледельческим хозяйством.

Другой пример касается знака, изображающего человека с коромыслом на плечах(«носильщик», см. рис. 8). Графическая аналогия этому знаку выразительно представлена в племенной пиктографии, где фигура носильщика с горшками на коромысле встречается в сюжетах, магический смысл которых состоит в обращении к божеству, подателю дождя и урожая [18]. В современной культовой практике дравидов коромысло с горшками, в которых находится жертвоприношение, употребляется и как символ божества, и как инструмент ритуала преимущественно в

---

[17] Там же, с. 49.
[18] Там же, с. 190—192, 203, 205, 210.

Рис. 9. Образец протоиндийской печати

тех случаях, когда апеллируют к «юному богу» — Муруге, олицетворяющему производительную мощь природы [19].

Эти примеры, число которых легко может быть увеличено, не только проясняют графическую семантику отдельных знаков, но и ставят очередные вопросы, существенно важные для подобных разысканий. Была ли случайной связь между звучанием знака и его семантикой, между семантикой и графическим обликом? Воздерживаясь пока от ответов на эти вопросы, можно заметить, что звучание слов первоначально, вероятно, не имело отношения к изображаемым предметам, но в период существования и действенного функционирования письменности соотношение звука и значения могло быть осмысленным. В этом отношении стоит обратить внимание на древнеиндийские поэтические и лингвистические трактаты, где проблема соотношений звука и значения не только выдвинута на первый план, но и осмыслена вполне «семиотически» в духе теории двусторонней структуры знака и текста.

Что касается второго вопроса — о связи значения и графического облика знака, то имеющиеся аргументы склоняют к положительному решению вопроса (во всяком случае, для большинства знаков). Сквозь достаточно изобразительный характер большинства знаков как бы высвечиваются стоящие за ними культурно-исторические реалии, хотя такая связь современному исследователю может быть не всегда очевидной и поддается выявлению только при знании историко-культурного контекста. Например, в хеттской иероглифике использовался знак дерева в качестве идеограммы бога Телепинуса по той причине, что культ этого бога плодородия был связан с вечнозеленым деревом eia [20].

Разумеется, приведенные выше единичные графические сопоставления, сами по себе выразительные и вдохновляющие на продолжение поисков в этом направлении, не являются достаточным основанием для жестких и однозначных выводов ни о происхождении протоиндийского письма, ни об эволюции и семантике отдельных знаков. Подтверждая правильность выводов, полученных в ходе дешифровки, они также служат целям эмпирического накопления материала, который впоследствии можно будет теоретически осмысливать.

Такая проиллюстрированная малым количество примеров методика исследования применима не ко всем знакам протоиндийской системы письма, да и в этом и нет необходимости. Есть целая группа знаков, сравнительно мало стилизованных и отчетливо выявляющих обозначаемые ими объекты действительности (референты или денотаты). Некоторые знаки опознаны по синхронным изображениям на протоиндийских печатях, оттисках, микроскульптуре, керамике. В этих случаях знак передает, как правило, то, что обозначает. Например, знак, изображающий женскую фигуру с поднятыми руками, используется в качестве обозначения богини-матери — повсеместно распространенного высшего женского божества (рис. 9; ср. рис. 1, *г*). Опираясь на аналогии, предоставляемые другими, сравнительно хорошо изученными древними цивилизациями, можно предположить, что знак, обозначающий мифический женский персонаж, относился в одних случаях к земледельческим богиням, матерям-покровительницам отдельных участков земли, в других — к Великой Матери, покровительнице земледелия и плодородия, в образ которой как бы втягивались локальные женские божества. Достаточно вспомнить малоазийскую Кибелу, египетскую Изиду, месопотамскую Иштар (Астарту), крито-микенскую Ма, чтобы понять, сущность каких представлений, запечатленных в рассматриваемом знаке, связывалась с этим женским персонажем (или группой таковых) в протоиндийской цивилизации. Культ богини-матери прослеживается на всем протяжении

[19] Подробнее см.: *Альбедиль М. Ф.* О южноиндийских ритуальных коромыслах.— Материальная культура и мифология (Сб. МАЭ, т. XXXVII). М., 1981, с. 93—102.

[20] *Иванов В. В.* Хеттский язык. М.: Наука, 1963, с. 41.

развития индийской культуры исторического периода, демонстрируя обширный (во времени и пространстве) диапазон разных форм конкретизаций. На крайних полюсах его находится индуистская Шакти — абстрактное универсальное женское начало, пребывающее за плотной непроницаемой стеной метафизических рассуждений, и многочисленные местные мундские и дравидские богини, которые алчно требуют кровавых жертвоприношений, святой воде предпочитают пальмовое вино и почитать которых надлежит непристойными (с точки зрения европейских миссионеров и вслед за ними некоторых ученых) песнями и плясками. Как явствует из сказанного, в случае со знаком богини-матери более чем достаточно материала для синхронных и диахронных сопоставлений. Четкий графический символ письма в данном случае вполне прозрачен, его рисуночное значение и семантика могут быть достоверно выявлены на собственно протоиндийском материале и подкреплены аналогичными сопоставлениями.

Все сказанное выше относилось к выяснению возможностей пролить слабый свет на предысторию протоиндийской системы письма, найти графические аналогии протоиндийским знакам и повысить уровень надежности их интерпретации.

Есть ли какая-нибудь возможность получить сведения о послехараппской жизни письменности? Мнение о ее полном исчезновении, изглаживании из памяти последующих поколений, подкрепленное теорией так называемого «арийского погрома», стало почти аксиоматичным. Но позволим себе усомниться в аксиоме — в отношении системы письма.

Дошедшие до нас древнеиндийские тексты исторического периода написаны письмом деванагари и выступают на историческую сцену довольно поздно. Это письмо вплоть до наших дней является самым распространенным в Индии. Особую группу занимают несколько южноиндийских письменностей, обслуживающих дравидские языки. Считается, что северный и южный типы письма произошли от письма брахми, древнейшие образцы которого относятся к IV в. до н. э. Происхождение этой письменности — вопрос спорный и остро дискутируемый. По мнению большинства ученых, это письмо развилось на основе финикийского алфавита, равно как и другой вид древнеиндийского письма — кхарошти, известный по монетам индо-греческих и индо-скифских царей (III в. до н. э. — I в. н. э.) [21].

В свое время один из исследователей протоиндийской цивилизации, Лэнгдон, обратил внимание на соответствие некоторых знаков в брахми и в протоиндийском алфавитах [22]. Однако его попытка установить преемственность между протоиндийским и древнейшим индийским письмом была признана высокими учеными авторитетами несостоятельной. С тех пор это направление исследования считается традиционно табуированным.

Однако иногда бывает полезным пересмотреть исходные посылки теории и либо убедиться в ее правильности, либо ее откорректировать.

Типы древнеиндийского письма относятся к вторичным письменностям, т. е. к сложившимся на основе системы графических знаков, заимствованных в готовом виде из более древней системы письма. Вместо того чтобы обращаться к финикийскому алфавиту, восходящему, как известно, к египетской иероглифике, целесообразно сначала проверить возможности, предоставляемые собственно индийскими культурным и лингвистическим комплексами. Вероятно, стоит развернуть поиск среди индийских (или даже шире, учитывая ареал распространения протоиндийской цивилизации и ее периферию) письменностей следов использования протоиндийской иероглифики в процессе их формирования. Эти поиски, при которых необходимо учитывать специфику письменных материалов, инструментов, приемов письма, модификацию форм знаков и т. д., будут представлять собой, с одной стороны, нечто близкое к условной реконструкции существовавшей протоиндийской несакральной ско-

---

[21] *Фридрих И.* Указ. раб., с. 152—155.

[22] *Marshall J.* Mohenjo-Daro and the Indus Civilisation. L., 1931.

рописи, с другой стороны, явятся материальным критерием для уверенного заключения о происхождении вторичных древнеиндийских письменностей.

Таким образом, не стремясь охватить всю необъятность явлений, связанных с возникновением, становлением, развитием и изменением письменности, целесообразно сейчас ограничить свою задачу и попытаться отыскать, насколько это позволяют имеющиеся данные, общие закономерности переходов от пиктографии к иероглифической системе письма, затем — от иероглифических приемов письма к приемам скорописи, а от них — к формам знаков вторичных, производных систем письма. Если эту задачу удастся решить, то тем самым будет доказана вероятность связей древнего протоиндийского письма с индийскими письменностями исторического периода в пределах относительно общей территории.

Все изложенное в данной работе имеет целью скорее поставить вопросы и поискать пути для их правильного и надежного решения, чем давать однозначные и окончательные ответы. Здесь уместно вспомнить известный гегелевский афоризм: «Сова Минервы вылетает в сумерки». Лишь тогда, когда будет собран весь доступный материал, или хотя бы его бо́льшая часть, можно будет перейти к его теоретическому осмыслению.